

*Владимир Геннадьевич КУЛИКОВ —
доцент кафедры английской филологии
Тамбовского государственного
университета им. Г. Р. Державина,
кандидат филологических наук*

УДК 811.111'282.3 811.111: 81'344.6 811.111:81'373

КОГНИТИВНАЯ МАТРИЦА И ЛОКАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ДИАЛЕКТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

АННОТАЦИЯ. В работе рассматриваются схемные отношения между языковыми единицами на примере Сдвига Северных городов и распространения «'positive' anymore» в диалектах США. Формирование знания о диалектной вариативности в языке (локальных концептов) происходит при контактах с иной диалектной системой. Это трактуется как процесс включения новых образцов в схемы на фоне когнитивной матрицы, включающей структуры знания «территориальная вариативность», «свой-чужой», оценку.

Schematic relations between linguistic units can emerge in dialect contacts. The analyses of Northern Cities Shift and 'positive anymore' penetration in neighboring regions reveals knowledge of language variation shaped as local concepts as inclusions into existing schemas on the background of Langackerian cognitive matrix which contains domains «regional variation», «own/alien» and «evaluation».

Когнитивные аспекты диалектологии: проблематика и основные положения.

Центральным объектом исследования когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики является человек, личность, рассматриваемая в качестве системы порождения, усвоения и переработки информации. Широкий охват тем для исследований в рамках когнитивной лингвистики и все большая универсализация ее методологии дают возможность формулировать новые принципы изучения языка. Это способствует вовлечению в круг исследуемых проблем наиболее традиционных областей языкознания, к которым относится и диалектология. Зародившись как описательная наука, целью которой был сбор данных о разнообразии языковых форм в рамках языкового ареала, диалектология в 20 веке претерпела ряд метаморфоз и обратилась к изучению корреляций между языковыми изменениями и общественной структурой. Однако до сих пор открытым остается вопрос, как и почему языковые изменения усваиваются в конечном итоге большинством носителей языка, как отдельные люди воспринимают поначалу чужие и не знакомые для них языковые формы и в конечном итоге меняют старые формы на новые.

Ответ на этот вопрос может дать изучение познавательных способностей индивида. Конечным продуктом процесса познания нам видится знание, представленное в том числе в виде языковых структур. В языке находят отражение изменения, связанные как с адаптацией к новым изменяющимся условиям окружающей среды (лексические изменения), так и с неравномерным развитием собственно языковой системы (грамматические и фонетические изменения).

В статье рассматриваются некоторые способы представления знаний о национальной и территориальной вариативности языка. Существование знаний о вариативности рассматривается нами как динамический процесс категоризации и концептуализации, при котором единицы диалектной подсистемы языка, накладываясь на структуру иной диалектной подсистемы, формируют новое, дополнительное значение в ситуации соотнесения элементов своей языковой системы со взаимодействующей системой.

Отличия в концептуальной системе вариантов английского языка формируются при помощи когнитивных механизмов метафоры, метонимии и создания новых схем. Концептуализация новых знаний и знаний о новых языковых единицах происходит на фоне когнитивной матрицы, в которую включаются концептуальные области (домены), отражающие наши знания о языке и социуме.

За основу взяты положения теории когнитивной грамматики, впервые высказанные Р. Лэнкером, который рассматривал лингвистический знак как единство фонологического полюса и семантического полюса, остающееся при этом самостоятельным объектом — символьной единицей — со своими особыми свойствами [1]. Совокупность символьных знаков образует лексикон языка. Основные виды концептов и механизмы их изменений в процессе концептуализации имеют одну важную особенность: все концептуальные модели различаются по степени специфичности. Р. Лэнкер выделяет особый вид концептуальных структур, определяемый как «схема» (schema), под которой понимается абстрактная характеристика, совместимая со всеми членами категории. Схема уточняется и развивается при помощи более специфичных единиц — образцов. Образец (instance) наследует у схемы все ее особенности, но добавляет при этом дополнительные детали. Различные образцы конкретизируют схему различным образом. И наоборот, схема обобщает и абстрагирует общие свойства образцов [2].

Дж. Р. Тэйлор характеризует все языковые единицы с позиции отношений специфичности. Эти отношения присутствуют между единицами семантического полюса языковых знаков и самими символьными единицами, которым в традиционной лингвистической терминологии соответствуют лексические единицы и грамматические конструкции. Образцы соотносятся по принципу сходства, которое определяется как общие характеристики схемы, к которой они принадлежат [3]. Типичный пример схемных отношений — гиперо-гипонимические отношения в лексических таксономиях, или отношения между фонемой и ее аллофонами. Все отличительные признаки диалектов касаются тех или иных аспектов языкового знака, а значит, имеют концептуальную природу и входят в сферу когнитивной лингвистики. Типичная ситуация, в которой происходит осознание наличия отличительных признаков — это ситуация диалектного контакта, при котором устанавливаются новые связи между существующими в родной диалектной системе схемами и их новыми образцами. При таком контакте происходит включение нового образца в существующую в языке схему.

Динамика схемных отношений в языке.

Основные схемы в фонологической системе языка образуют таксономии, представляющие естественные классы фонем. Их признаки вычленяются естественным образом в соответствии с местом и способом артикуляции, участием работы голосовых связок (для согласных звуков), высотой и рядом, лабиализацией и назализацией (для гласных звуков). Такие схемы имеют устойчивый статический характер в системе языка. Но образование схем возможно и в несколько иной плоскости. Отношения «схема-образец» могут возникнуть в результате динамических процессов языковых изменений или при столкновении диалектных подсистем. Северная диалектная зона США, а точнее, район крупных промышленных городов вокруг Великих озер (Чикаго, Детройт, Буффало, Кливленд), претерпевает в настоящее время процесс изменений системы кратких гласных фонем, именуемый Сдвигом Северных Городов (Northern Cities Shift): [æ] → [ɪ] → [ɛ] → [ə] → [ɔ] → [ɑ] → [æ].

В работе «Принципы языковых изменений» (том 1 «Внутренние факторы»), У. Лабов приводит пример высказывания 15-летней жительницы Детройта, зарегистрированного им в 1964 году:

«It's so funny about New Yorkers. They say [bɑ:l] for [bæ:l], and they say [bæ:l] for [biə:l]!» [4].

Пример наглядно демонстрирует первый этап сдвига: сужение [æ] а [iə] и последующее продвижение вперед [ɑ] а [æ]:

battle [bæfɪl] а [biəfɪl],
bottle [bɑfɪl] а [bæfɪl].

Говорящий сопоставляет звучание соответствующих аллофонов в своей фонологической системе (диалект Детройта) и фонологической системе другого диалекта (в данном случае диалекта Нью-Йорка, где эти фонемы совпадают по звучанию с общеамериканским произносительным типом). Категоризируя звуки [æ] и [iə], (а также [ɑ] и [æ]) как аллофоны одной фонемы, говорящий расширяет категориальные связи, включая не известный ему ранее аллофон в качестве нового образца в существующую схему (рис. 1). Примечательно, что подобная категоризация (подключение к схеме) сопровождается оценочным высказыванием «It's so *funny* about New Yorkers. They say...».

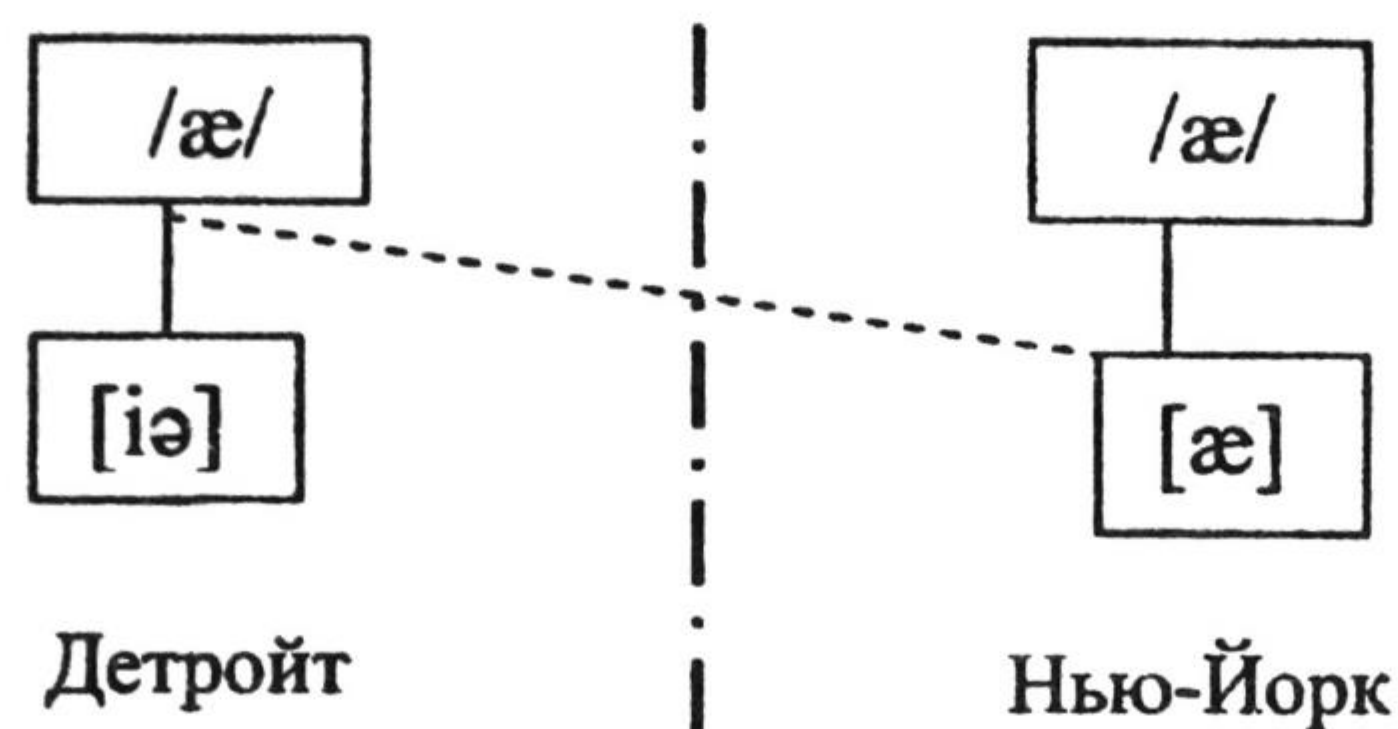
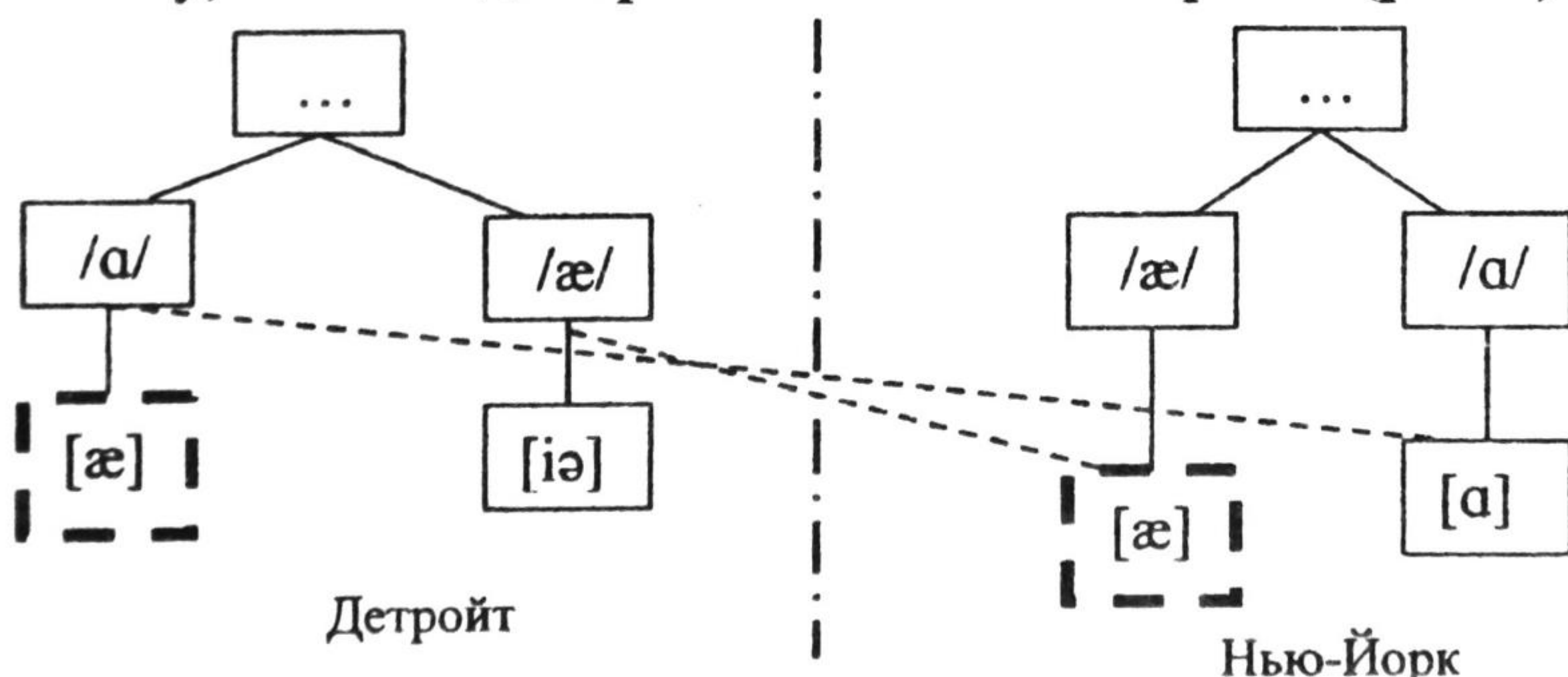

Рис. 1. Включение нового образца в существующую схему в ситуации диалектного контакта.

Лексические единицы, дифференцирующиеся через соответствующую фонему, именуется *лексическим классом*. Таким образом, фонема /ɑ/ может быть обозначена как BOTTLE-фонема, а фонема /æ/ — как BATTLE-фонема соответственно. Такая система помимо фонологического смысла несет в себе важное когнитивное содержание. Столкновение с новыми и неизвестными аллофонами и их категоризация и концептуализация наиболее явно проявляются в контекстах, где возможно непонимание и смешение значений слов. В приведенном выше примере информант из Детройта смог осознать и категоризировать отличия в фонологической системе своего диалекта в контексте смешения значений фонетического комплекса [bæfɪl]. Этот комплекс потенциально мог иметь два способа категоризации: 'bottle' в соответствии со схемой родного диалекта, и 'battle' в соответствии со схемой «чужого» диалекта. Установившееся новое отношение между схемой и новым образцом расширило существующую схему, вызвав одновременно новый конфликт (рис. 2).

Примечание: [æ] — жирная пунктирная линия обозначает конфликтующие элементы схемных отношений.

Рис. 2. Конфликт образцов фонологических схем в контактирующих диалектных системах Детройта и Нью-Йорка.

Если [æ] из системы диалекта Нью-Йорка категоризируется как аллофон [iə] в диалекте Детройта, то он вступает в конфликт со звуком [æ] в диалекте Детройта,

который здесь репрезентирует лексический класс с BOTTLE-фонемой. Возникает необходимость установить дополнительное отношение и подключить к схеме фонемы /ɑ/, представленной звуком [æ] в диалекте Детройта, новый образец — аллофон [ɑ] из диалекта Нью-Йорка. Вновь образованная динамическая схема (рис. 3) способна обеспечить правильное понимание BOTTLE- и BATTLE-классов лексических единиц говорящими на диалекте Детройта при общении с говорящими на диалекте Нью-Йорка.

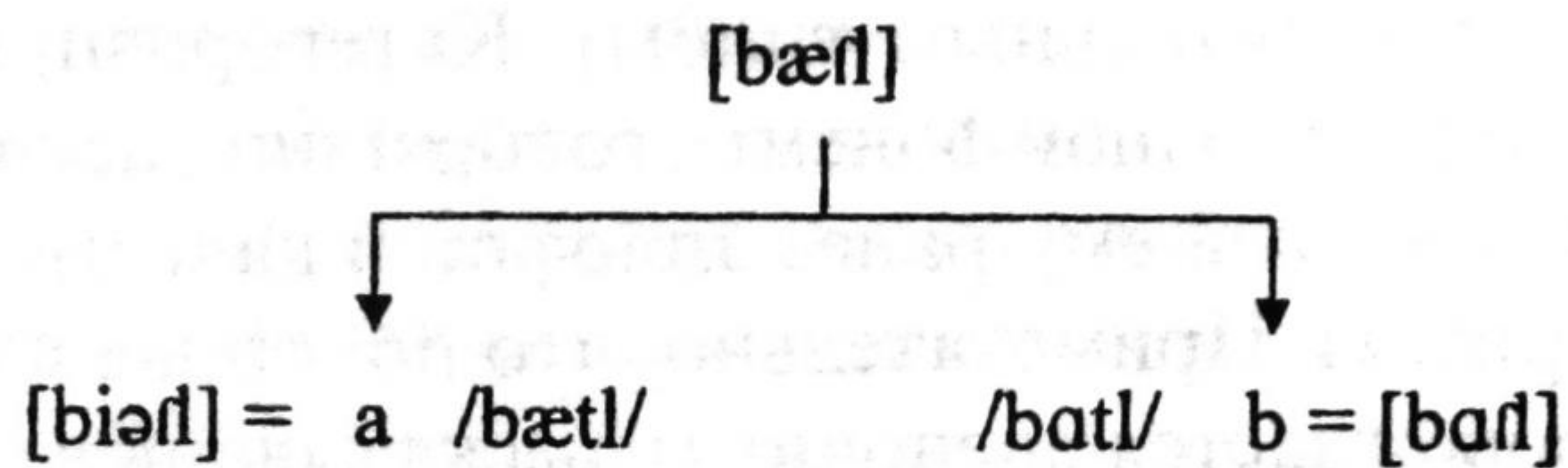

Рис. 3

По сути, мы здесь сталкиваемся с типом отношений между языковыми знаками, которые А. Д. Швейцер называл «аналого-дивергентными цепочками» [5]. Под формой языкового знака А. Д. Швейцер понимал слово, а содержанием выступало его значение. В нашем случае мы имеем дело с «цепочкой», где сопоставляются фонема и аллофон, схема и ее образец.

Когда носитель диалекта сталкивается с чуждым ему аллофоном впервые, то отсутствие выстроенных отношений в соответствующих схемах может привести к неправильному пониманию смысла высказывания. В ареале Северной диалектной зоны США, охваченной Сдвигом Северных городов, большинство случаев ошибочной интерпретации приходится на ситуации общения жителей городов, входящих в эпицентр Сдвига, с представителями или уроженцами других территорий США, не затронутых этим процессом:

Tony: Well Marty, we went in the [læks] ... and he got stuck in there, and they had to tow him out. [General laughter.]

WL.: What do you mean ... in the where?

Tony: In the [læ>ks]. [Laughs]

WL.: Whassat?

Floyd: For a boat, you know [6].

Слово 'locks' /lɒks/ «шлюзы, каналы» не было понято собеседниками по причине отсутствия связей между аллофоном [æ] и фонемой /ɑ/.

Большинство случаев непонимания возникает у говорящих на диалектах с относительно стабильной фонологической системой. Жители диалектной территории, охваченной Сдвигом Северных Городов, реже испытывают трудности с пониманием представителей остальной территории США. Очевидно, что фонологическая система «северян» находится в состоянии динамического изменения. Схематические отношения в такой системе включают и старые традиционные отношения между ранее существовавшими аллофонами, и новые отношения между аллофонами и фонемой-ярлыком лексических классов. Пока новый аллофон функционирует как один из образцов-вариантов репрезентации схемы, говорящему на этом диалекте легко воспринимать и декодировать «старые» аллофоны в речи жителей, чья фонологическая система не затронута процессом фонетических изменений.

Разделяя положения Р. Лэнкера и Дж. Р. Тэйлора о симметрии в организации фонологического и семантического полюсов языкового знака, мы можем утверждать, что включения такого рода обнаруживаются и при взаимодействии лексико-семантических систем различных диалектов. В качестве примера приведем ситуацию с использованием лексико-грамматической (символьной в терминах Р. Лэнкера) единицы 'anymore' в утвердительных предложениях (т. н. «'positive' anymore»),

активно распространяющейся в последние десятилетия в американском варианте. По аналогии с употреблением 'anymore' в предложениях типа 'I don't buy it anymore', возникает употребление этого слова в таких предложениях как 'Food is expensive anymore'. Значение наречия «больше не» переосмыслилось в новое значение «сейчас, в наши дни» в силу синтаксической позиции в конце предложения и присутствию отрицания.

Впервые употребление «positive» anymore было отмечено в диалекте штатов Пенсильвании и Среднего Запада. В настоящее время эта единица проникла во все соседние территории к северу, югу и западу, и распространяется среди все большего количества говорящих из разных социальных групп. Личный опыт и языковые наблюдения автора позволяют сказать, что на территории штата Айова, активно вовлеченной в процесс распространения инновации, употребление «positive» anymore отмечается даже у самой консервативной группы населения — старшего поколения (60 лет и старше) с высшим образованием. По данным диалектного опроса Гарвардского университета, проведенного под руководством Б. Во (Harvard Dialect Survey, база данных находится в сети Интернет по адресу <http://www.hcs.harvard.edu/~golder/dialect/index.html>, далее в тексте — HDS), на сегодняшний момент использование 'anymore' в предложении типа 'Pantyhose are so expensive anymore that I just try to get a good suntan and forget about it' из 10 753 респондентов считают уместным 29.23% и неуместным 67.26%. Не определились в выборе 3.51% респондентов. Предложение 'Forget the nice clothes anymore' положительно оценили 22.08% респондентов, а отрицательно — 70.17% [7]. Данная ситуация полностью соответствует S-кривой С. — Дж. Бейли [8], что указывает на наличие активного процесса языкового изменения. В то же время в других синтаксических контекстах число говорящих, считающих употребление 'anymore' допустимым, гораздо ниже. Только 4.98% респондентов оценивают как допустимое предложение 'He used to nap on the couch, but he sprawls out in that new lounge chair anymore', и 5.41% респондентов допускают употребление предложения 'I do exclusively figurative paintings anymore'. Это означает, что в данный момент за наречием 'anymore' закрепился особый контекст — эмфатическое употребление при наличии эксплицитного контраста в меняющейся в худшую сторону ситуации. Присутствие негативных коннотаций вполне закономерно, если принять во внимание исходный отрицательный контекст формы 'anymore'.

Появление такого употребления у наречия 'anymore' свидетельствует об образовании нового концепта, имеющего на данный момент географические и социальные ограничения. При столкновении с новым для себя смыслом носители языка, в языковой системе которых такой концепт отсутствует, попадают в ситуацию контекстуальной вариативности и вынуждены устанавливать новые связи в имеющихся у них концептуальных схемах по типу включения аналогично процессу включения нового образца в фонологическую схему.

Социальные основания локальных концептов и когнитивная матрица.

Изменения, происходящие с языковой единицей, не остаются незамеченными для носителей языка. Даже те фонологические процессы, которые протекают бессознательно для самих говорящих, регистрируются и категоризируются носителями языка, которых инновация еще не затронула. Любое изменение языковой единицы, к которым, напомним, вслед за Дж. Р. Тэйлором мы относим фонологические, семантические и символичные (лексико-грамматические) единицы, попадает под процесс концептуализации и является значимым для говорящих. Здесь мы согласны с У. Вайнрайхом, утверждавшим, что замена одной формы на другую является знаком с точки зрения прагматики [9]. Признавая существование стоящего за знаком концепта, мы имеем основание говорить о том, что столкновение с иной формой в языковой системе ведет к формированию особого рода концептов, функцией которых является объяснение такого отличия. Это может означать, что в ситуации диалектного контакта в

сознании говорящих формируется особая концептуальная система, репрезентирующая и структурирующая вновь получаемые знания о диалектной вариативности в языке и обществе.

Концепты не могут существовать изолированно. Каждый отдельный концепт создает связи и отношения с другими концептами, а также может служить основанием для профилирования нового концепта. Наиболее общие отношения между группой родственных концептов образуют концептуальную область, именуемую *доменом*. Домен — максимально обобщенная и неразложимая концептуальная структура, имеющая широкий охват концептов, с которыми она связана отношениями специфичности. В число таких базовых концептуальных областей входят пространство, цвет, звук, время, температура, запах, эмоциональные переживания и т. п. [10]. Дж. Р. Тэйлор предложил расширить понятие домена и считать им любую конфигурацию знания [11]. Концепты формируются через осознание одного или нескольких доменов.

Для концептуализации семантической единицы часто бывает недостаточно одного домена, и требуется привлечение нескольких доменов, в месте пересечения которых и происходит концептуализация. Концепт «рука» требует знаний о трехмерном пространстве, анатомии, цвете, технологических практиках человека, в которых рука задействована, общественных отношениях и т. п. Концепт «диалект» требует знаний о языке, его вариативности и разнообразии, географии, административном и историческом делении страны, о социальном устройстве общества и о нормах, определяющих что хорошо и что плохо в данном обществе. Такие комбинации концептуальных областей Р. Лэнкер называет *когнитивной матрицей*. Структура концепта в таком понимании есть сложная система, состоящая из множества доменов, переплетающихся друг с другом и создающих комбинации различного уровня сложности и специфичности.

Диалектные формы концептуализируются на фоне когнитивной матрицы, состоящей из определенного рода доменов. К таким доменам мы можем отнести географическое пространство, знание о родном языке и его неоднородном характере, а также один из самых значимых социальных концептов как «свой-чужой». Подробный анализ структуры этого концепта, содержится в работах В. В. Красных [12], Ю. С. Степанова [13]. О концепте «свой-чужой» как одном из факторов формирования австралийского варианта английского языка говорит Т. О. Козлова [14].

В сознании носителей языка, даже не обладающих специальными лингвистическими знаниями, содержится представление о том, что на территории их проживания существуют регионы, в которых есть языковые отличия. Исследование Л. Хартли и Д. Престона [15] показало, что американцы достаточно точно представляют себе основные диалектные ареалы на лингвистической карте своей страны. Особенности восприятия языковой вариативности в различных диалектных зонах оказывают влияние на границы территорий и характер оценки варианта языка, ассоциируемого с такой территорией. Представители всех диалектных групп всегда оценивают свою территорию как территорию «правильного» английского языка. Жители регионов, чей диалект не имеет статуса непрестижного, включают в территорию с «максимально приятным» звучанием гораздо большее количество близлежащих территорий. Жители регионов, чей диалект традиционно маркируется в обществе как непрестижный (юг США), отмечают в качестве «максимально приятной для звучания» только свою небольшую территорию. Зоны с диалектами, имеющими большее число или характер отличий, сопровождаются ярлыками со стереотипными названиями-прозвищами 'cowboys', 'hillbillies', 'Suthron (Southern)', или названиями, отражающими попытку «наивного» лингвистического анализа: 'Drawl', 'Twang', 'mixed'.

Таковыми же ярлыками мы считаем фразеологические примеры, отражающие или намеренно утрирующие стереотипные особенности регионального произношения 'rogk the cores' (Филадельфия), 'toity toid' (Бруклин, Нью-Йорк), 'hoi toiders' (о-ва Outer Banks

у побережья штата Сев. Каролина), сопоставимые с аналогичными высказываниями в русском языке «с Масквы, с пасада, с Калашнава ряда», «У нас в Рязани грибы с глазами, их ядят, они глядят», утрирующими соответственно московское аканье и рязанское яканье. Расширяя границы применения концептуализации такого вида, можно продолжить этот ряд стереотипными представлениями о других нациях, выражаемыми как через лексические единицы («французы — лягушатники», из-за их привычки употреблять в пищу этих земноводных), так и через фонологические особенности. Намеренная назализация в русском языке используется для имитации французского произношения как для создания эффекта иностранного акцента, так и с иронической целью высмеять аристократические привычки, что в русской культуре связано с фактом широкого использования русским дворянством французского языка для повседневного общения (вспомним прецедентную реплику из фильма «Бриллиантовая рука» в диалоге героев А. Миронова и А. Папанова: «Мне надо принять в[ǎ]нну, выпить чашечку кофе» с носовым произношением гласного /a/ в слове «ванна»).

Примеры такого рода указывают на наличие в концептуальной структуре диалектных концептов оценки, что максимально сближает такую концептуальную структуру, имеющую в своей основе сугубо лингвистическую природу, с культурными концептами в терминах Ю. С. Степанова. Наличие оценочного компонента (преимущественно отрицательного) при описании диалектных зон также свидетельствует о том, что в общественном сознании существует противопоставление своих, говорящих на «правильном, хорошем» английском языке, и чужих, говорящих «неправильно», с акцентом. Концепт, реализованный на фоне когнитивной матрицы, содержащей структуру знаний о существовании региональной вариативности языка и характеризующей зону с иным звучанием как «чужую», может быть охарактеризован как *локальный*. В большинстве случаев диалектное звучание (локальный фонологический концепт) демонстрирует наличие в схеме аллофонов, не характерных для данного диалекта (например, произнесение 'battle' как [biəɪ] в диалекте Детройта).

Определение локального концепта полностью справедливо и для семантических единиц. Только вместо фонем и аллофонов в процессе профилирования задействованы схемы, отражающие значения единиц лексикона. Рассмотренный нами пример с 'positive anupome' — наглядное тому подтверждение. Кроме этого, наблюдаемое в течение последних десятилетий расширение ареала «positive» anupome из Пенсильвании на Средний Запад [HDS], демонстрирует механизмы перестройки когнитивной матрицы. При распространении единиц лексикона языка из одной диалектной зоны в другую, носители диалекта переосмысливают связи данного концепта с доменом, отражающим систему знаний о региональной вариативности языка. В структуре концепта возникает оценка «уместности употребления на нашей территории», новая схема начинает осознаваться как «своя», а прежняя схема формирует связи с концептами «чужое», «непрестижное».

Локальные концепты, как любые другие концептуальные структуры, не присутствуют в языке и сознании в готовом виде. Они формируются в результате практики и опыта. Только контакт с незнакомыми фонологическими, семантическими или лексико-грамматическими концептами и осознание факта его географической ограниченности дает возможность говорящему отождествить этот концепт с когнитивной матрицей диалектной вариативности, формируя локальные концепты. Показателем такого осознания являются, например «комбинационные» единицы языка, возникающие в так называемых переходных зонах. Для обозначения ресторана, в котором можно купить еду на вынос, в Англии используется лексическая единица 'take away'. Аналогичный концепт в диалекте Шотландии вербализуется лексемой 'carry out'. На севере Англии существует переходная зона, где устойчиво смешиваются диалектные единицы, в результате чего в северном диалекте Англии для обозначения упомянутого нами типа ресторана возникает лексическая единица 'take out' [16]. Основанием для интеграции может служить знание жителями севера Англии о способах име-

нования идентичного концепта в соседнем географическом регионе и соответственно знание о языковой вариативности в этой местности.

В американском варианте английского языка аналогичную закономерность можно проследить на примере употребления фразы, означающей «стричь лужайку перед домом». По данным диалектного опроса Гарвардского университета [HDS] Северный ареал отдает предпочтение фразе 'mow the lawn', тогда как в южных штатах чаще встречается 'cut the grass'. На территории, разделяющей Север и Юг (Среднеатлантический район и Средний Запад) зарегистрированы случаи употребления смешанной формы 'cut the lawn'.

Переходные зоны могут в отдельных случаях оказывать влияние иного рода. Одной из новых диалектных лексических изоглосс в США стало разграничение в употреблении лексической единицы для обозначения сладкого газированного напитка. По данным диалектных исследований можно выделить три основных ареала: Восток (Новая Англия, Нью-Йорк и восточная Пенсильвания, где распространено слово 'soda', Северо-Запад и Запад, в котором предпочтение отдается слову 'pop' (за исключением Калифорнии, испытавшей в данном случае сильное влияние Востока), и Юг с его традиционными тесными связями с Англией, где чаще употребляется 'coke' [HDS, 17]. В этой схеме также присутствуют переходные зоны — на Среднем Западе возможно слияние западной и восточной форм по типу 'soda pop'. Но во многих случаях жители Среднего Запада, использующие разные локальные варианты концепта, распределены по территории в приблизительно равной пропорции. Однако на концептуальном уровне данный концепт у них формируется как локальный. Многие из них осознают наличие такого разделения и относят себя к устойчивым приверженцам того или иного типа.

Выводы.

Мы попытались охарактеризовать механизмы языковых изменений, отражающихся в диалектах языка, с позиций когнитивной лингвистики. Организация всех типов языковых единиц базируется на когнитивных принципах, в основе которых лежит символичный характер языка, реализующийся в виде схематической организации языковых категорий. Схема реализуется в виде языковых единиц с меньшим уровнем абстракции. Комбинации схем и их реализаций формируют таксономии, потенциально открытые для включения в них новых членов.

Схемные связи видятся нам не как статичные образования в системе языка, а как динамичные изменяющиеся отношения. Динамика процессов языковых изменений отражается в новых отношениях между составными элементами структуры схем и концептов. Новые отношения возникают как включения новых образцов в существующие схемы на уровне пересекающихся таксономий. Толчком для такого включения служат ситуации междиалектных контактов, в которых происходит осознание диалектных отличий и категоризация языковых явлений «чужого» диалекта в рамках системы «своего» диалекта.

Фонологические, символичные и семантические единицы языка подчинены механизмам категоризации. Осознание единиц, принадлежащих системе иного диалекта, как концептов, передающих знание о такой системе, предполагает наличие в структуре концепта концептуальных областей (доменов), отражающих знание о вариативности языка и социальной структуре общества. В сознании носителей языка существует схематическая картина, отражающая представление о территориальной вариативности языка. Степень детализации такой картины зависит от полноты знакомства носителей языка с жителями различных регионов страны. Языковые варианты получают определенную оценку в обществе в соответствии с престижностью представителей этих регионов. Оценочный компонент сближает концептуальные структуры такого рода с культурными концептами. В системе наших рассуждений

описываемые концептуальные структуры получили название «локальных концептов». С помощью локальных концептов структурируется наше знание о регионах, их культурной и языковой специфике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
2. Langacker, R. W., 1987, op. cit., P. 371.
3. Taylor, J. R. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. P. 124.
4. Labov, W. Principles of Linguistic Change. Volume 1: Internal Factors. Oxford UK, Cambridge USA: Blackwell, 1994, С. 185.
5. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Наука, 1971., С. 168-169.
6. Labov, W., op. cit., P. 186.
7. HDS – Dialect Survey / by B. Vaux, S. A. Golder, R. Starr, B. Bolen. [http://www. hcs.harvard. edu/~golder/dialect/index. html](http://www.hcs.harvard.edu/~golder/dialect/index.html)
8. Bailey, C. -J. N. Variation and Linguistic Theory. Arlington: Center for Applied Linguistics, 1973.
9. Weinreich U. On Semantics. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1980. С. 45.
10. Langacker R. W. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1990, С. 4.
11. Taylor, J. R. op. cit., P. 196.
12. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.
14. Козлова Т. О. Интегративные маркеры — вербальная форма разрешения конфликта «свой-чужой» в пределах этносоциальной общности // Языки и транснациональные проблемы: М-лы I междунар. науч. конф. 22-24 апреля 2004 года. Т. 1. Отв. ред. И. А. Фесенко. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. С. 498-504.
15. Hartley, L. C., Preston D. R. The names of US English: Valley girl, cowboy, yankee, normal, nasal and ignorant // Standard English: The Widening Debate / edited by T. Bex and R. J. Watts. London, New York: Routledge, 1999. P. 207-238.
16. Trudgill P. Dialects in Contact. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 63.
17. Ash S. The United States of America – The Land of Opportunity // English: One Language, Different Cultures / Ed. by Eddie Ronovicz and Colin Yallop. London, New York: Cassell, 1999. P. 197-263.

Татьяна Вячеславовна СОТНИКОВА –
доцент кафедры французской филологии,
кандидат филологических наук

УДК 804. 0-4

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. В статье предпринимается попытка соотнести социолингвистические характеристики носителей языка с особенностями ритмико-фонетической организации высказывания (характер и распределение ритмических групп и синтагм, реализация различных типов ударения). В качестве материала для анализа были взяты записи бесед с тремя информантами, различными по возрасту и социальному статусу, проживающие в разных регионах Франции. Полученные в ходе исследования результаты полностью подтвердили рабочую гипотезу о существенном влиянии социолингвистических характеристик на вариативность ритмической организации высказывания.